

Загадки с компонентом-именем числительным «ОДИН» в белорусском и туркменском языках (структурно-семантический и лингвокультурологический аспекты)

Дубинкина А.О.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»,
Витебск

В статье осуществлено комплексное рассмотрение белорусских и туркменских загадок, имеющих в своём составе числительное «один» (бел. адзін и туркм. бир), целью которого явился комплексный – структурно-семантический с элементами лингвокультурологического – анализ загадок как одной из разновидностей паремий с означенным компонентом-числительным.

Материал и методы. Материалом исследования послужила картотека белорусских и туркменских загадок с числительными: 32 загадки с компонентом-числительным «адзін» белорусского языка и 5 загадок с компонентом-числительным «бир» туркменского языка, – сформированная автором методом сплошной выборки из нескольких источников. При этом использовались общенаучные методы – наблюдение, описание; филологические – сопоставительный анализ, интерпретационный, а также анализ в рамках лингвокультурологического подхода.

Результаты и их обсуждение. Рассмотрение отобранных для анализа загадок проводилось по следующему алгоритму: установление структурной модели; характеристика семантики; выявление и интерпретация – в случае её наличия – лингвокультурной информации. Проведённый комплексный сопоставительный анализ позволил выявить как сходные, так и отличные характеристики исследуемых единиц; установлено, что наибольшее сходство рассмотренные загадки обнаруживают в структуре; в семантике и присущей некоторым из проанализированных паремий лингвокультурной информации это сходство присутствует в меньшей степени, хотя и преобладает явно над имеющимися различиями. Основной компонент загадок представляет собой в большинстве случаев фразу, оформленную как простое либо сложное предложение различных типов и видов.

В лексическом наполнении как белорусских, так и туркменских загадок преобладают конкретные исчисляемые существительные, характерные прежде всего для непринуждённого, обиходно-бытового общения: бел. галкі, палкі, вароты, хустка; туркм. сакгал (борода), бармак (палец), күйзе (кувшин) и т.д., что подтверждает глоттохронологическую концепцию М. Сводеша, включающего такую лексику в базовый обиходный словарь многих языков мира. Некоторые из загадок содержат лексические обозначения, «отсылающие» к определённой культуре; в белорусских загадках среди таких номинаций отмечены казак, авёс и паненачка.

Заключение. Проведённый анализ свидетельствует, что оба языка отразили в одном из самых древних фольклорных жанров – загадках – осуществляемые человеком мыслительные операции (со-, противопоставление и др.), в ходе которых по-особому «преломляются» свойства наиболее привычных для человека предметов и явлений; по-новому происходит их осмысление, более креативно.

Полученные результаты могут быть использованы при определении своеобразия как белорусской, так и туркменской лингвокультур в различных ситуациях, прежде всего в образовательной, но также и в воспитательной сфере.

Ключевые слова: имя числительное, числительное «один», загадка, сопоставительный анализ, структурно-семантический аспект, лингвокультурологический аспект.

(Ученые записки. – 2019. – Том 30. – С. 129–135)

Riddles with the Numeral “One” Component in the Belarusian and Turkmen Languages (the Structural Semantic and the Linguistic Cultural Aspects)

Dubinkina A.O.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The article deals with the complex consideration of Belarusian and Turkmen riddles with the numeral “one” (Bel. адзін and Turkm. бир), the purpose of which is a complex – structural-semantic with elements of linguistic cultural – analysis of riddles as one of the varieties of paroemias with the indicated numeral component.

Material and methods. The research material was the card index of the Belarusian and Turkmen riddles with numerals: 32 riddles with the component-numeral “адзін” of the Belarusian language and 5 riddles with the component-numeral “bir” of Turkmen language – generated by the author by the method of continuous sampling from multiple sources. The study used general scientific methods: observation, description; philological methods – the method of comparative analysis, interpretative method, and analysis within the linguistic cultural approach.

Findings and their discussion. The consideration of the selected riddles was carried out according to the following algorithm: the establishment of a structural model; the characteristic of semantics; the identification and interpretation – if there is any – of linguistic cultural information. The complex comparative analysis revealed both similar and different characteristics of the studied units: it was found out that the greatest similarity of the considered riddles is found in the structure; in the semantics and inherent in some of the analyzed paroemias of linguistic cultural information, this similarity is insufficiently present, although it clearly prevails over the existing differences. The main component of the riddles is a phrase in most cases, organized as a simple or complex sentence of different types.

The lexical content of both Belarusian and Turkmen riddles is dominated by specific countable nouns, which are characteristic primarily of casual, everyday communication: Bel. *галкі, палкі, вапаты, хыстка*; Turk. *sakgal* (beard), *barmak* (finger), *кбэзе* (pitcher), etc., which confirms the glottochronological concept of M. Swadesh, who includes such words into basic everyday vocabulary of many languages of the world. Some of the riddles contain lexical designations that “refer” to a particular culture; in Belarusian riddles among such categories, we observed *kazak, aves* and *panenachka*.

Conclusion. Thus, the analysis shows that both languages reflected in one of the most ancient folklore genres – riddles – mental operations carried out by man (co-, opposition, etc.), during which the properties of the most familiar objects and phenomena for man are “refracted” in a special way; to rethink them, as a rule – more creatively.

The obtained findings can be used in understanding the uniqueness of both Belarusian and Turkmen linguistic cultures in various situations, primarily in education, as well as in the educational sphere.

Key words: the Numeral, numeral “one”, a riddle, a comparative analysis, structural-semantic aspect, linguistic cultural aspect.

(Scientific notes. – 2019. – Vol. 30. – P. 129–135)

Имя числительное – часть речи, входящая в морфологические системы подавляющего числа языков, которая представляет собой «класс полнозначных слов, обозначающих число, количество, меру и связанные с числом мыслительные категории порядка при счёте, кратности (повторяемости), совокупности» [1].

Числительное является частью речи, объединяющей лексические единицы (слова и выражения) прежде всего на основании их значения: абстрактного, не привязанного к конкретным предметам числа. Имя числительное – это часть речи, сформированная на основе объединения ряда других: имени существительного, имени прилагательного и местоимения. Именно поэтому грамматические признаки числительного очень разнообразны: они в значительной степени определяются происхождением той или иной номинации, вошедшей в состав имени числительного. Ещё в 1985 году А.А. Потемня отмечал, что «числительные количественные 5–10, 100–1000 и заимствованное 40 суть первоначально существительные, т.е. названия вещей, а не признаков и отношений... Уже в древнейших памятниках славянских языков количественные распадаются на два отдела: прилагательные и существительные» [2, с. 118, 122]. «Пестрота», возникшая в результате наполнения этого лексико-грамматического класса элементами из разных объединений подобного характера (других частей речи), обуславливает выделение внутри этой части речи отдельных семантико-грамматических разрядов, которое наблюдается в разных языках.

При выделении разрядов числительных в первую очередь учитывается своеобразие лексической семан-

тики данной группы слов, которая, как уже было отмечено, всегда связана с числом, однако может быть скорректирована соотносённостью с различными мыслительными категориями и операциями, которые при этом осуществляются человеком. Так, например, в узбекском языке А.Н. Кононов выделяет следующие разряды числительных: количественные, штучные, порядковые, разделительные, дробные, собирательные, неопределённо-количественные [3, цит. по: Буранов, с. 214]. В языках, обнаруживающих ту или иную степень родства, устанавливается и определённое сходство в разграничении имён числительных на разряды – так, в английском языке, как и в русском, числительные делятся на *количественные* (*Cardinal Numerals*) и *порядковые* (*Ordinal Numerals*), однако русские числительные делятся на четыре лексико-грамматических разряда, несомненно включая количественные (два, пятьдесят один) и порядковые числительные (первый, сотый), а также собирательные (оба, пятеро) и дробные (одна пятая, две девярых).

Неоднородный состав имени числительного как части речи обуславливает и довольно существенное различие его грамматических признаков – например, в русском языке порядковые числительные изменяются по родам, числам и падежам, в то время как количественные – только по падежам.

Имена числительные достаточно частотны не только в речи (в различных коммуникативно-речевых произведениях (текстах), где так или иначе присутствуют количественные либо числовые сведения, и т.д.), но и в языке – например, в составе разного рода устойчивых лингвистических «формул» (фразеологизмов,

паремий и под.). Подтверждение этому мы находим, например, в статье Е.П. Маюк «Семантические характеристики количественных единиц три и девять в белорусских и английских паремиях» [4], которая в ходе своего исследования выявляет типологически общие черты восприятия количества носителями означенных языков, а на этом фоне устанавливает и ряд национально-специфических особенностей числительных в системах этих языков, которые в том числе подчёркивают и уникальность количественных представлений, сформировавшихся у каждого этноса.

Поскольку подобного рода устойчивые выражения, помимо основного их значения, нередко содержат в себе и семантику национально-культурного свойства, представляется интересным проанализировать в сопоставительном аспекте группы таких лингвистических единиц в двух и/или более языках. В настоящей работе для исследования в означенном аспекте выбрана одна из групп паремий – загадки с компонентом-именем числительным в двух разнотипных языках – белорусском и туркменском.

Будучи специфическими лингвистическими «формулами», загадки входят в состав наиболее культурно значимых для любого языка единиц в связи с тем, что, являя собой один из наиболее древних жанров устного народного творчества, они зафиксировали в себе «память» той или иной нации о своеобразии быта, жизненного уклада, многих традиций и, помимо этого, по утверждению И.А. Седаковой и С.М. Толстой, «обнаруживают связь с архаическим ритуалом ... и мифопоэтической картиной мира» [5, с. 233–234]. Поскольку загадка основывается преимущественно на метафорическом сближении далёких областей предметно-вещественного мира (ср., например: *висит сито, не руками свито – паўтина*), она нередко стимулирует видение в самых обычных вещах в том числе и неожиданной, образно обусловленной (поэтической) стороны [6].

Актуальность предпринятого исследования, таким образом, обусловлена прежде всего особым вниманием современной лингвистической науки к языковым единицам, содержащим в своей семантике культурные смыслы, которые в большинстве случаев передают этнокультурное своеобразие того или иного народа, фиксируя в себе тем самым и многие элементы его национального колорита.

Цель статьи – комплексный (структурно-семантический с элементами лингвокультурологического) анализ загадок с компонентом-числительным «один» в белорусском и туркменском языках.

Материал и методы. Материалом исследования послужила картотека белорусских и туркменских загадок с числительными: 32 загадки на белорусском языке (с компонентом-числительным «адзін») из сборника «Свяці, свяці, сонейка: Творы беларускага фальклору» (уклад. І.К. Цішчанка), а также 5 загадок (с компонентом-числительным «бир») на туркменском языке из туркменско-русского словаря под общей редакцией Н.А. Баскакова (данный источ-

ник был привлечён в связи с тем, что автору не удалось обнаружить специализированный источник – сборник загадок, аналогичный белорусскому), – сформированная автором методом сплошной выборки [7; 8].

При проведении исследования использовались общенаучные методы – наблюдение, описание; филологические – сопоставительный анализ, интерпретационный, а также анализ в рамках лингвокультурологического подхода.

Результаты и их обсуждение. В нашем исследовании мы опираемся преимущественно на определение загадки В.П. Аникина, который характеризует этот тип паремий как «иносказательное поэтическое воспроизведение какого-либо предмета или явления, испытывающее сообразительность отгадывающего» [6, с. 109].

Предваряя анализ конкретного языкового материала, отметим, что интересующий нас компонент – имя числительное «один» как в белорусском, так и в туркменском языке может иметь различную частеречную принадлежность: в белорусском языке «адзін», в зависимости от контекстного окружения, может выступать в роли имени числительного, имени прилагательного или местоимения (основное значение номинации «адзін» определяется следующим образом: «Адзін 1. лічэбнік: кольк. Лік, лічба і колькасць» [9]); в туркменском языке компонент «бир» также может иметь значение нескольких частей речи – имени числительного («бир 1. один, одна, одно; ~ден~и один из двух, один из них; не тот, так другой; кто-нибудь из них...; ~и~инден друг друга, друг у друга, один другого; а) один раз; однократно; б) однажды...» [8, с. 99]) и неопределённого артикля, а также «в сочетании с именем может образовывать сложные существительные, прилагательные и наречия» [8, с. 100].

При рассмотрении отобранных для анализа загадок мы руководствуемся следующим алгоритмом: установление структурной модели; характеристика семантики (с особым акцентом при наличии метафоричности), а также выявление (в случае её наличия) и интерпретация лингвокультурной информации.

Своеобразие оформления загадки как фольклорного речевого жанра в большинстве случаев предполагает её *двухкомпонентную* структуру: собственно *загадка* и *отгадка*. Второй компонент, как правило, представлен словом (реже – словосочетанием или предложением), заключаемым в скобки; мы в данном случае сосредоточиваем внимание на собственно загадках, отгадки интересуют нас в меньшей степени.

Как правило, основной компонент загадок – фраза, оформленная как простое либо сложное предложение различных типов и видов.

Большинство из отобранных нами белорусских загадок (19 единиц) по структуре представляют собой *простые предложения*, которые весьма разнообразны по своим характеристикам: *односоставные* и *двусоставные*, *распространённые*, а также включающие осложняющие компоненты (преимущественно

однородные члены предложения). Большинство составляют двусоставные распространённые предложения:

1. Пад адною папонкаю сядзіць брат з сястронкаю. (Авёс)
2. Сто сястрыц адну хустку вяжуць. (Пчолы і соты)
3. Пад адной страхой чатыры браты стаяць. (Стол)
4. Чатыры брацікі пад адным капелюшом стаяць. (Ножкі стала)
5. Чатыры заловачкі схілілі галовачкі пад адным капелюшом. (Стол)
6. Чатыры паненачкі пад адным парасонікам стаяць. (Ножкі стала)
7. Дзве галачкі сядзяць на адной палачцы. (Каромысел і вёдры)
8. Пад адной шапкай чатыры панічыкі жывуць. (Стол)
9. Які год цягнецца адзін дзень? (Новы год)

Часть из такого рода синтаксических конструкций содержит осложняющие компоненты – в основном, однородные члены предложения (в приводимых далее примерах это однородные подлежащие и однородные сказуемые):

1. Дванаццаць арлоў, пяцьдзесят дзве галкі знялі адно яйцо. (Год)
2. Маленькі работнік шмат гадоў працаваў, ніколі не спаў, толькі адзін раз працаваць перастаў – і на-век прапаў. (Сэрца)
3. Тысячы брацікаў звязаны, адным поясам падпязаны. (Сноп)

Примечательно, что в большинстве приведённых загадок подлежащее выражено словосочетанием имени существительного с количественными числительными, которые являются основными объектами нашего исследования.

Поскольку загадки, являясь одним из жанров устного народного творчества, максимально приближены к устной разговорной речи, в отобранных паремиях закономерно присутствуют и синтаксические конструкции, типичные именно для разговорной речи, в частности – *односоставные* предложения различных типов, в приводимых далее примерах это преимущественно номинативные предложения:

1. Два разы нараджаецца, адзін раз памірае. (Птушка)
2. Пад адным брыльком дзевяць казакоў. (Лён)
3. Пад адным брыльком семсот казакоў. (Макаўка)
4. У адным клубочку ды сем дзірачак. (Галава)
5. На адной яме сто ям. (Напарстак)
6. Пад адным брыльком чатыры хлопчыкі. (Ножкі стала)
7. У аднаго парсюка два лычы. (Начоўкі)

Часть отобранных для анализа белорусских загадок структурно оформлена как *сложные* предложения:

1. Дзве галавы, дзве спіны, шэсць ног, адзін хвост. (Чалавек на кані)
2. Шэсць ног, дзве спіны і адна галава. (Чалавек у крэсле)
3. Семсот варот, адзін уваход. (Сетка, невад)

4. У жываце – лазня, у носе – рэшата, на галаве – пупок, адна рука і тая на спіне. (Чайнік)

5. Пяць пунь, адны вароты. (Пальчаткі)

6. Рук многа, а нага адна. (Дрэва)

7. Поўны хлеў авец, і адзін баран бляець. (Язык за зубамі)

8. Адзін на лаўцы, а дзесяць пад лаўкай. (Пальцы на нагах у час сядзення на лаўцы)

9. Які прадукт харчавання можна зварыць з соллю адзін фунт на адзін фунт, каб можна было есці. (Яйкі)

Среди приведённых конструкций преобладают *сложные предложения с бессоюзной связью* (пять из девяти), что также подтверждает близость загадки к устной (живой) речи, где явственно присутствуют присоединительные отношения, выражаемые в том числе и бессоюзием. Три загадки представляют собой по структуре *сложносочинённые* предложения, одна – *сложноподчинённое с придаточным обстоятельственным* (цели):

Особого внимания заслуживают белорусские загадки, структурно оформленные как мини-диалоги, т.е. как относительно законченные тексты из нескольких предложений с определённым сюжетом; нами отмечены две загадки подобного характера:

1. Ляцеў статак гусей. Насустрач ім адзін гусь:

– Добры дзень, сто гусей!

– Нас не сто гусей. Каб нас было яшчэ столькі, паўстолькі, чвэрць столькі і ты, адзін гусь, тады было б сто гусей. Колькі ляцела гусей? (Трыццаць шэсць гусей)

2. Ляцела два статкі гусей. Першы статак гаворыць:

– Дайце нам аднаго гуся, тады ў нас будзе пароўну.

А другі статак гаворыць:

– Дайце вы нам аднаго гуся, тады ў нас будзе ў два разы больш. Колькі было гусей у адным і ў другім статку? (Пяць і сем)

Структурно отличается от остальных и ещё одна белорусская загадка, представляющая собой текст, состоящий из трёх предложений (двух сложных и одного простого):

Ляцелі галкі, стаялі палкі. Як сядуць яны на адной – галка лішняя, як сядуць яны на дзве – палка лішняя. Колькі было галак і колькі палак? (Тры палкі і чатыры галкі)

Отметим, что наиболее типичными синтаксическими функциями имён числительных в приведённом перечне белорусских загадок являются: 1) функция одной из частей подлежащего; 2) функция одного из компонентов обстоятельства, – т.е. имена числительные оказываются синтаксически значимыми лишь в сочетании с другими частями речи, самостоятельно же они синтаксических функций не выполняют.

Отобранные для анализа туркменские загадки с компонентом-числительным «бир» («один») составили группу из 5 единиц, т.е. значительно меньшую, нежели в сопоставляемом белорусском языке (приводимый в скобках перевод туркменских загадок на русский язык взят автором из того же источника, откуда отобраны данные туркменские паремии):

1. *Бойы бир гарыш, сакгалы ики гарыш (Ростом в одну пядь, а борода – в две пяди).* Ответ: *мекгежөвен (кукуруза).*

2. *Икиси дартар, бири ёртар. (Двое тянут, один бежит.)* Ответ: *азал ве оңа гошулан өкүзлер (соха и впряжённые в неё два быка).*

3. *Ики энэниң он оглы, хеммесиниң ады бир (У двух матерей десять сыновей, у всех – одинаковые имена).* Ответ: *он бармак (пальцы на руках).*

4. *Бир күйеде ики сув (В одном кувшине две воды).* Ответ: *юмурта (яйцо).*

5. *Бир чанак сүйт, элеме дүйт (На весь мир одна чаша молока).* Ответ: *ай (луна)* [8, с. 161, 247, 349, 488, 721].

Данный материал (туркменские загадки) целесообразно классифицировать по структуре на основе тех же принципов, которые применялись при классификации белорусских загадок. Среди приведённых конструкций мы обнаруживаем, что по структуре туркменские загадки разнообразны: две из них представляют собой простое предложение (*Бир күйеде ики сув; Бир чанак сүйт, элеме дүйт*); остальные сложные предложения с бессоюзной связью (*Бойы бир гарыш, сакгалы ики гарыш; Икиси дартар, бири ёртар; Ики энэниң он оглы, хеммесиниң ады бир*). Наиболее типичной синтаксической функцией имён числительных в туркменских загадках является функция одной из частей подлежащего.

Как известно, определённые синтаксические структуры отличаются друг от друга и семантикой, которая в этом случае выражается в главных чертах, поскольку синтаксическое значение взаимодействует в данном случае и с лексическим содержанием, однако позволяет в той или иной степени говорить о *структурно-семантическом* аспекте. С этой точки зрения заслуживает внимания наиболее многочисленная (24 единицы) группа белорусских загадок, в которых наряду с числительным «адзін» использованы и другие числительные или другие части речи с количественным значением: «сто», «семсот», «тысяча»; наречие «многа», прилагательное «тоўны». Общая семантика данной группы заключается в том, что акцент сделан на *со-* либо *противопоставлении* единичного предмета, качества либо явления более чем одному из них: *На адной яме сто ям. (Напарстак); Семсот варот, адзін уваход. (Сетка, невад); Тысяча брацікаў звязаны, адным поясам падпяразаны. (Сноп)* и другие.

В этой группе в отдельную подгруппу можно выделить загадки, где вторым числительным (помимо «адзін») являются числительное «два» (5 единиц): *Два разы нараджаецца, адзін раз памірае. (Птушка)* и другие – и числительное «четыры» (5 единиц): *Пад адным брыльком чатыры хлопчыкі. (Ножкі стала)* и другие.

Следует заметить, что числительное «четыры» (четыре) в загадках, как и в других устойчивых сочетаниях, чаще всего характеризует пространство – сравним, к примеру, выражения: «в четырёх стенах», «на все четыре стороны» и под. Любопытно, что в христианстве в средние века четвёрка считалась символом

земного существования и материальных вещей и знаменовала собой статическую целостность, идеально устойчивую структуру [10, с. 30], что, с нашей точки зрения, присутствует и в белорусских загадках.

Остальные загадки рассматриваемой группы представляют собой менее типичные случаи использования в одной паремии двух числительных, где, помимо числительного «адзін», употреблены:

– числительное «пяць» (*Пяць пунь, адны вароты. (Пальчаткі);*

– числительное «семь» (*У адным клубочку ды сем дзірачак. (Галава);*

– числительное «дзесяць» (*Пад адным брыльком дзесяць казакоў. (Лён);*

– числительное «дзезяць» (*Адзін на лаўцы, а дзезяць пад лаўкай. (Пальцы на нагах).*

В анализируемом корпусе загадок нами отмечены также паремии, в которых функционирует три числительных. Помимо «адзін», это «два» (в одной из загадок употреблено дважды) и «шэсць»: *Шэсць ног, дзве спіны і адна галава. (Чалавек у крэсле); Дзве галавы, дзве спіны, шэсць ног, адзін хвост. (Чалавек на кані);* а также «дванаццаць» и «пяцьдзесят два»: *Дванаццаць арлоў, пяцьдзесят дзве галкі зняслі адно яйцо. (Год)* [7].

В анализируемых туркменских загадках, по нашим наблюдениям, преобладает общая семантика *противопоставления* – ср.: *Икиси дартар, бири ёртар. (Двое тянут, один бежит.)* и под.; в приведённом примере числительное «бир» (один) в пределах синтаксической структуры противопоставлено числительному «ики» (два).

Несмотря на неравнозначные группы сопоставляемого в процессе анализа материала (с очевидным преобладанием белорусских загадок), представляется возможным сделать вывод о сходстве общей семантики белорусских и туркменских загадок с компонентом «адзін» и «бир», поскольку в обоих случаях они оформлены сходными синтаксическими конструкциями с аналогичным значением *со-* и *противопоставления*.

Остановимся на *собственно семантической* стороне анализируемых загадок, т.е. на более детальном рассмотрении значений входящих в загадки лексических элементов – номинаций предметов и явлений, которые количественно осмысливаются в данных паремиях, принимая при этом во внимание не только загадки, но и отгадки.

Даже при поверхностном рассмотрении можно заметить явное преобладание как в белорусских, так и в туркменских загадках *конкретных* исчисляемых существительных, в большинстве своём относящихся к общепотребительной лексике, характерной прежде всего для непринуждённого, обиходно-бытового общения: бел. *галкі, палкі, вароты, хустка*; туркм. *сакгал (борода), бармак (палец), күйзе (кувшин)* и т.д. Это в полной мере соответствует глоттохронологической концепции Морриса Сводеша, по утверждению которого, именно подобная лексика составляет базовый обиходный словарь многих языков мира [11; 12].

Для загадок как особого жанра устного народного творчества, возникшего в глубокой древности, не характерно ни углубление в сложные сюжеты, ни разработка каких-либо глобальных тем. Тем не менее загадку не стоит считать примитивной жанровой формой: в загадках детально, иногда с очень неожиданной стороны, представлены предметы и явления, которые с давних пор окружают человека, постоянно сопровождают его в повседневной жизни, что и позволяет относить их к базовым, т.е. наиболее значимым, лексемам во многих языках.

Сопоставление же лексического воплощения ключевых для разных языков понятий подводит и к осознанию лингвокультурной значимости последних и тем самым к установлению как сходств, так и отличий в национально-языковых картинах мира.

В анализируемых загадках обоих языков (несмотря на их разноструктурность) преобладает лексика, связанная с одной из основных потребностей человека – потребностью в пище (названия продуктов, посуды и т.д.); ср., к примеру:

Які прадукт харчавання можна зварыць з соллю адзін фунт на адзін фунт, каб можна было есці. (Яйкі);

Пад адной папонкай сядзіць брат з сястронкай. (Авёс);

У лазе – на адной назе, жыве ў лета, што гэта? (Грыб);

Бойы бир гарыш, сакгалы ики гарыш. (Ростом в одну пядь, а борода – в две пяди.) Ответ: мекгежовен – кукуруза;

Бир күйзеде ики сув. (В одном кувшине две воды.) Ответ: юмурта – яйцо.

Бир чанак сүйт, элеме дүйт. (На весь мир одна чаша молока.) Ответ: ай – луна.

Помимо этого, как в белорусских, так и в туркменских загадках довольно частотна лексика, обозначающая части человеческого тела, а также предметы быта и орудия труда (в частности, древнейшего занятия человека – земледелия): бел. *У жываце – ланя, у носе – рэшата, на галаве – пупок, адна рука і тая на спіне. (Чайнік);* турк. *Икиси дартар, бири ёртар. (Двое тянут, один бежит.) Ответ: азал ве оңа гошулан өкүзлер – соха и впряжённые в неё два быка.*

Загадки предоставляют нам информацию о том, что, несмотря на существенные культурные различия, у многих народов обнаруживается и общее в обиходно-бытовом укладе, особенно в тех занятиях, которые сопровождают человека с древних времён, в частности – в земледелии. Так, в последнем из приведённых примеров функционирует слово «азал» (соха), по данным Большого энциклопедического словаря, «пахотное орудие (с конца 4-го тыс. до н.э. – на Древнем Востоке, в средние века и до XX в. – у многих народов Евразии)» (выделено нами. – А.Д.) [13]. Данная загадка свидетельствует, что соха как примитивное земледельческое орудие для вспахивания земли было распространено и на территории Туркменистана, ина-

че эта номинация вряд ли смогла бы быть зафиксирована в упомянутой загадке.

Очень интересной для исследования в лингвокультурологическом аспекте представляется туркменская загадка о кукурузе *Бойы бир гарыш, сакгалы ики гарыш (Ростом в одну пядь, а борода – в две пяди)*, где дважды употреблено слово *гарыш (пядь)*, поскольку данная номинация традиционно воспринимается как обозначение исключительно русской меры длины. Так, по данным Малого академического толкового словаря, это «старая русская мера длины, равная расстоянию между концами растянутых большого и указательного пальцев либо незначительная часть пространства» [14]. Использование этой номинации в туркменской загадке позволяет предположить существование контактов между среднеазиатской и восточнославянской культурами уже в глубокой древности, в результате чего, вероятно, и произошло заимствование этого обозначения одного языка другим.

Однако, помимо сходства, анализируемые загадки двух языков безусловно обнаруживают и некоторые семантические отличия, что проявляется, в частности, в использовании в данных паремиях лексики, нетипичной для другого языка. В этой связи обратим внимание на две довольно похожие белорусские загадки, которые имеют совершенно разные отгадки:

Пад адным брыльком дзеваць казакоў. (Лён);

Пад адным брыльком семсот казакоў. (Макаўка).

В обеих загадках употреблено слово «казак», которое для туркменского языка не характерно, поскольку исторически связано с Российской империей, в которую в разное время и разными территориями входила и Беларусь. Казак – «на Русі ў 15–17 стст. вольны чалавек з прыгонных сялян, халопаў, гарадской беднаты, якія ўцякалі на ўскраіны дзяржавы – Дон, Запарожжа, Яік» [14], а также «у дарэвалюцыйнай Расіі з 18 ст. – прадстаўнік ваеннага саслоўя...» [14]. Употребление номинации «казак» в белорусских загадках свидетельствует о взаимодействии родственных – русской и белорусской культур, которые с давних пор развивались в тесном контактировании.

С лингвокультурологических позиций заслуживают внимания и такие белорусские загадки, как *Пад адною папонкаю сядзіць брат з сястронкаю. (Авёс)* и *Чатыры паненачкі пад адным парасонікам стаяць. (Ножкі стала)*, в которых функционируют лексические элементы, «отсылающие» к восточнославянской культуре.

Так, *овёс* в Республике Беларусь с давних пор является злаковым растением разностороннего использования, ценной продовольственной и зернофуражной культурой; вероятно, именно поэтому данный злак, будучи зафиксированным в народном сознании, нашёл отражение и в загадке как в распространённом жанре народного творчества. Номинация *паненачка* представляет собой характерное для белорусского языка обращение к незамужней женщине, которое возникло под влиянием польского языка и, помимо территории Беларуси, получило распространение на западной

части Украины; в республиках же Средней Азии оно никогда не использовалось.

Заключение. Проведённый сопоставительный анализ, не претендуя на полноту результатов, позволяет в то же время сделать ряд выводов. Несмотря на разноструктурный характер сопоставляемых языков, по нашим наблюдениям, загадки с компонентом – именем числительным в белорусском и туркменском языках обнаруживают больше сходства, нежели отличий.

Это сходство проявляется в синтаксическом оформлении загадок, которые в обоих языках чаще всего структурно представляют собой простое (реже – сложное) предложение, что можно объяснить функционированием данного жанра преимущественно в обиходно-разговорной сфере общения, а также ориентированностью загадки прежде всего на детское восприятие, чем обуславливается её особое внимание к деталям изображаемого, поиску взаимосвязи между явлениями и т.д.

Лексическое наполнение загадок, их семантика также обнаруживают в двух языках значительное сходство: наиболее часто в загадку вводятся названия реальных, непосредственно связанных с повседневной жизнью людей, их основными потребностями: потребностью обеспечивать себя пищей и под. Наряду с этим в загадках двух языков встречаются лексические обозначения, «отсылающие» к определённой культуре; среди подобных номинаций в белорусских загадках нами отмечены такие слова, как *казак*, *авёс* и *паненачка*.

Сосредоточенность на исследовании загадок с компонентом – именем числительным, с нашей точки зрения, позволила пронаблюдать за тем, как в количественном измерении в одном из наиболее древних жанров устного народного творчества в процессе осуществляемых человеком мыслительных операций (сопоставление, противопоставление и др.) «преломляются» свойства конкретных предметов и наиболее привычных для человека явлений. Это позволяет по-новому, как правило, более креативно, подойти к осмыслению различных качеств окружающих человека самых обычных вещей, в числе которых их величина, численность, форма, цвет, вкус, звучание, движение, материал, назначение и многое другое.

Наши наблюдения подтверждают, что система образов, закреплённых посредством загадок в различных национально-языковых картинах мира, обнаруживает связь (нередко – очень тесную) с социально-культурным контекстом практически любой языковой общности, а потому загадки могут безусловно восприниматься как свидетельства её культурно-национального опыта и традиций. Полученные нами результаты могут быть использованы при определении своеобразия как белорусской, так и туркменской лингвокультур в различных ситуациях, в том числе и в образовательно-воспитательной сфере.

Литература

1. Супрун, А.Е. Числительное / А.Е. Супрун // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1988. – С. 582–583.
2. Потебня, А.А. Из записок по русской грамматике / А.А. Потебня. – Т. IV. – Вып. I: Существительное. Прилагательное. Числительное. Местоимение. Член. Союз. Предлог. – М.: Просвещение, 1985. – 319 с.: ил.
3. Буранов, Дж. Сравнительная типология английского и тюркских языков: учеб. пособие для пед. ин-тов / Дж. Буранов. – М.: Высш. шк., 1983. – 267 с.
4. Маюк, Е.П. Семантические характеристики квантитативных единиц три и девять в белорусских и английских паремиях / Е.П. Маюк // Мир языков: ракурс и перспектива: материалы IV Междунар. науч. практ. конф., Минск, 22 апр. 2013 г. / редкол.: Н.Н. Нижнева (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2013. – С. 275–282.
5. Седакова, И.А. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / И.А. Седакова, С.М. Толстая; под общ. ред. Н.И. Толстого. – М.: Изд-во «Международные отношения», 1995. – Т. 2. – 690 с.
6. Аникин, В.П. Загадка / В.П. Аникин // Литературный энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – С. 109.
7. Цішчанка, І.К. Свяці, свяці, сонейка: Творы беларус. фальклору: для малодшага школьнага ўзросту / уклад. І.К. Цішчанка; уступ. арт. А.С. Грачанікава; маст. Т.В. Кубліцкая [і інш.]. – Мінск: Юнацтва, 1994. – 350 с.: каляр. іл.
8. Туркменско-русский словарь: [около 40000 слов] / [под общ. ред. Н.А. Баскакова, Б.А. Каррыева, М.Я. Хамзаева]. – М.: Сов. энциклопедия, (Академия наук Туркменской ССР, Институт языка и литературы им. Махтумкулы), 1968. – 832 с.
9. Родныя вобразы. Тлумачальны слоўнік [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://rv-blr.com/dictionary/explanatory?letter=0&marker=&page=45>. – Дата доступу: 05.01.2019.
10. Кириллин, В.М. Символика чисел в литературе Древней Руси XI–XVI вв. [Электронный ресурс] / В.М. Кириллин. – СПб.: Алетейя, 2000. – 314 с. – Режим доступа: <http://biblio.imli.ru/index.php/ruslit/488-Kirillin-VM-Simvolika-chisel-v-literature-Drevnej-Rusi.html>. – Дата доступа: 06.01.2019.
11. Кузнецов, А.М. Этнолингвистика / А.М. Кузнецов // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1988. – С. 309.
12. Иванов, В.В. Моновокализма гипотеза / В.В. Иванов // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1988. – С. 597.
13. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс] / ред. А.М. Прохоров. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – 1456 с. – Режим доступа: <https://opac.mpei.ru/notices/index/IdNotice:43078/Source:default.html>. – Дата доступа: 06.04.2019.
14. Малый академический словарь [Электронный ресурс] / под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981–1984. – Режим доступа: http://enc.biblioclub.ru/encyclopedia/118_Malyu_.html. – Дата доступа: 06.04.2019.

Поступила в редакцию 23.09.2019